

INSPIRIA

Чухе Ким

18+

Любовь
в конце времён

INSPIRIA

Loft. Чухе Ким. Красота хрупкого мира

Чухе КИМ

Любовь в конце времён

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ким Ч.

Любовь в конце времён / Ч. Ким — «Эксмо», 2025 — (Loft. Чухе Ким. Красота хрупкого мира)

ISBN 978-5-04-252584-1

Чухе Ким — писательница, поборница защиты окружающей среды, лауреатка премии «Ясная Поляна» — предлагает подумать над вечной темой. Что такое любовь? Любовь многолика и принимает порой крайне замысловатые формы. Всепоглощающая любовь к себе, которая не может устоять перед соблазном вечной жизни. Любовь к Богу и другу. Любовь к искусству. Любовь родительская и сестринская. Любовь к ближнему и звездным кумирам. Любовь не к человеку, а к иному существу, с которым у тебя устанавливается связь. Любовь к родной планете, которую мы можем потерять, если будем продолжать безоглядно ее эксплуатировать. В сборнике рассказов Чухе не пугает, но предупреждает: если мы не изменим отношение к окружающей среде, то можем лишиться не только любви, но и более привычных радостей, вроде дуновения свежего ветерка и чистого снега. «Десять рассказов: мы оказываемся под покровом биокуполов, на борту ковчега в мареве Гибралтара, в африканской саванне, на острове мусора и в других уголках планеты. Как альбатрос парим мы над солнечной гладью моря, голой пустыней с кислотными дождями, воздушным безе горных туманов, кишачей крысами подземкой, серебристыми тушками лосося в черных водах рек — над пространством, где реальное перемешано с вымышленным. Человечность, осознание важности действий и поступков по отношению ко всему живому — это та нота, которая продолжает звучать в голове после того, как закрываешь книгу». — Екатерина Похолкова, декан переводческого факультета МГЛУ, переводчик, кореевед

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-252584-1

© Ким Ч., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Биокупол	7
Цвет нового мира	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Чухе Ким

Любовь в конце времён

*Посвящается тем душам, которые заслуживали света,
Spiriti di molto valore
и тем душам, которые их оплакивают*

A LOVE STORY FROM THE END OF THE WORLD

Copyright © 2025 by Juhea Kim. All rights reserved.

© Батыгин К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Биокупол

Тринадцатое апреля. Почти полночь. Через потертые саржевые занавески в квартиру текущим янтарем проливался вязкий свет. Пак умыл лицо в ванной, принял лекарства и уселся на диване с пультом. Одно нажатие – и искусственное голубое сияние телевизора смешалось с золотистым свечением цвета натрия, наводнявшим комнату. Пак пробежался по каналам. Телеигры. Конкурсанты соревнуются за деньги, за брак. Женщины выставляют себя напоказ, покачивая бедрами и подмигивая в объектив, а затем красоток ранжируют по громкости аплодисментов. Люди умиляются щеночкам. Замедленная съемка крупным планом какого-то нового гибридного продукта, редкого деликатеса. Мужчину заставляют есть лоснящуюся жиром грудку мяса и сыра, пока его лицо не покрывается потом, а изо рта не вырывается утомленный стон. Восклицания, рукоплескания, охи-вздохи, смех.

Два профессора сидят друг напротив друга на фоне черной ширмы. Никаких зрителей, никаких аплодисментов.

– Целые поколения детей растут, не зная смысла слов «дождь», «снег», «облака», они ни разу не видели море или закат. И вы утверждаете, что это не нравственный кризис? – заявляет эксперт справа, профессор литературоведения из Сеульского национального университета.

– Вы допускаете свойственную романтикам ошибку, отождествляя естественное с нравственным. Природа сама по себе ни хороша ни плоха. Как и технологии, которыми формируют или контролируют природу, не высоконравственны и не безнравственны как таковые. Лет двести назад наши предки спорили о нравственности «железных коней». Или вы будете утверждать, что подземка – исчадие зла, поскольку она прорезает землю и перевозит людей по герметичным подземным ходам? – отзывается эксперт слева, профессор философии из Университета Корё. – Технологии – это прежде всего про пользу, а не про этику.

– С моей стороны было бы большой самонадеянностью приравнивать, по вашему утверждению, природу к нравственности. Но вот вам пример. Вы же знаете, что язык формирует мысли, идеи и моральные принципы. Даже вам придется согласиться, что в корейском языке слово «Бог», «син», буквально означает «Дражайшее Небо». И задолго до того, как я, с ваших же слов, романтизировал природу, наш народ на протяжении пяти тысяч лет использовал почерпнутые из той же природы слова для описания того, что хорошо и свято. А когда люди перестают понимать, что такое небо – многие представители младшего поколения вообще его никогда не видели? – как они могут иметь представление о Боге?

– Вы неверно понимаете природу веры. Бог – по крайней мере в христианской традиции – не предполагает репрезентации или доказательств. Если человеку для признания Бога нужно небо, это нельзя считать подлинной верой, – самодовольно объявляет профессор философии, прежде чем совершить решающий выпад. – Вы сентиментальны.

– Я не сентиментален. Я – человек, – спокойно отвечает оппонент.

В том же духе они продолжили разглагольствовать и дальше. Пак отключил телевизор.

– Приятное место, – заметил Пак.

Они сидели во дворике изысканного ресторана в районе Каннам, в окружении шпалер и пергол, увитых розами, жасмином и другими темными пышными растениями, которые Паку

были незнакомы. Официанты в жилетах беззвучно проносились мимо мотыльками, зажигая свечу за свечой.

– Сколько раз вы уже бывали на таких встречах? – спросила Чина.

– Каких?

– Вы знаете, о чем я, на *матсонах*, свиданиях вслепую.

– В смысле?

– Вам уже тридцать пять, а вы не женаты, значит, у вас уже было не менее двадцати таких свиданий.

– Что еще вы знаете обо мне?

– Сваха предоставила всю обычную информацию. Рост, внешность. Вы – старший инженер Управления охраны окружающей среды, выпускник Сеульского университета, один из лучших на курсе. Но семейного капитала или возможности самостоятельно оплатить новую квартиру для нас у вас нет. Вы – единственный сын вдовы, а это гарантированно отпугнет меркантильных особ. Что касается физических качеств, у вас слабые легкие – распространенная проблема среди тех, кто родился до Био. Но, насколько я знаю, вы входите в десятую долю процента обладателей самого высокого коэффициента умственного развития. Так что мы можем составить неплохую пару.

– А вы весьма прямолинейны, в этом вам не откажешь.

– Поделюсь соображениями. Мне двадцать восемь, я – младшая из трех дочерей, родителям не терпится отделаться от меня. Мои старшие сестры вышли замуж в двадцать шесть, хотя я гораздо красивее и умнее их обеих. Родители полагают, что проблема – в моем характере. Я не пытаюсь держать рот на замке, чтобы польстить мужчине, который тупее меня. Вы не против, если я закурю? – сказала она, уже протягивая руку к своему портсигару.

– Пожалуйста.

– Я страшно устала от бесконечных увещеваний и махинаций родителей. Я готова покончить со всем этим и выйти за того, кого они сочтут подходящим кандидатом. У меня нет сил. Понимаете, о чем я?

– Думаю, да.

Она улыбнулась.

– Знаете, смешно получается. Мне кажется, будто с вами я могу быть откровенной. Со мной такое далеко не всегда бывает. Сваха не зря говорила, что мы поразительно подходим друг другу по знакам зодиака.

– Западным или нашим?

Она приподняла бровь.

– Нашим, конечно же. С какой стати мне доверять западной астрологии в таком важном вопросе, как брак? Их астрология – полная чепуха.

– На мой взгляд, они примерно равнозначны, – заметил Пак.

Чина рассмеялась перезвоном серебристого колокольчика.

– Я рада, что вы не согласны со мной. Я переживала, что вы окажетесь одним из тех художников, забитых инженеров, у которых, похоже, не бывает собственного мнения. И не поймите меня превратно, но первое впечатление от вас вполне соответствовало этим ожиданиям. Но вы умеете давать отпор... Мне это нравится. – Она затанулась сигаретой. – Чувствую, что мы с вами отлично поладим.

Паку и хотелось бы придумать какой-нибудь язвительный комментарий в ответ, но ничего не пришло в голову. Сам он еще не был уверен, нравится ему Чина или нет. У нее было белое лицо в форме сердечка и длинные блестящие волосы, спадавшие до середины спины. Она была в канареечно-желтом шелковом платье-футляре, которое подчеркивало кожу цвета слоновой кости и черные как смоль волосы. Сосредоточив взгляд на ее обнаженных руках, Пак почти что ощутил аромат духов с запястий и локтей – цветочный, с легкой нотой мускуса. Да,

пожалуй, она была красива. Только он не был уверен, что когда-нибудь сможет испытать к ней чувства.

– Вы очень милая, – наконец признал Пак.

Глаза Чина закружились в танце: она привыкла к комплиментам и уже начинала терять терпение.

– Милая? – промурлыкала она.

– Ваше платье. Красивое, – смущенно пробормотал Пак.

– Да, конечно, мне тоже так кажется. Оно желтое, вот я его и надела. А почему вы проигнорировали Желтый день? Могли бы надеть галстук или что-то другое.

У Пака не было желтого галстука, желтых носков или чего-то в этом роде. Весь день коллеги на работе подшучивали, что он саботирует дух праздника¹.

– Неужто вы из тех, кто вечно обламывает всем веселье, управляющий Пак? Вы же хотите избежать невезения в наступающем году?

Один из коллег, младший инженер, даже в шутку предложил обменяться носками, чтобы у каждого было по одному желтому носку. И хотя Паку нравились доброжелательные подтрунивания на работе, про себя он радовался, что не участвует во всем этом.

– Я в такое вообще не верю, – признался Пак.

– Да вы вообще ни во что не верите. Ни в астрологию, ни в Желтый день... – Чина снова улыбнулась. – А есть что-то, во что вы верите?

И правда, во что он верил? Он и сам не знал. Он лишь мог с уверенностью сказать, во что не мог верить.

На следующее утро после Желтого дня Нью-Сеул, как обычно, окрасился в сепию. Когда-то давным-давно деревья становились золотистыми в сентябре и октябре – по крайней мере, так Пака учили на уроках биологии. Однако листья с фотографий не имели ничего общего с местным светом, который отличался сыроватым красно-коричневым оттенком отдаленных воспоминаний. Желтый день увековечивал не осеннюю листву, а Желтый песок, который каждую весну надувало западным ветром из пустынь Китая и Монголии. Это явление нашло отражение в древнейших хрониках Кореи и имело историю по меньшей мере в два тысячелетия. На протяжении большей части XX века песчаная буря приходила на три дня в апреле и оставляла после себя по всей стране, от городов до деревень, плотный слой пыли. В дальнейшем, по мере расширения пустыни на территории Китая, стала удлиняться и продолжительность песчаных бурь: семь дней, потом двенадцать, двадцать пять, сорок три, шестьдесят семь... С каждым следующим годом западный ветер переносил над Желтым морем все больше песка. К моменту рождения Пака на Корейский полуостров, по подсчетам специалистов, каждый год обрушивался миллион тонн песка в год – этого объема было бы достаточно, чтобы заполнить доверху 66 667 мусоровозов.

Одним из первых последствий Желтой бури стало полное отсутствие весны. Никаких цветов или посиделок в парке на скамейках под головокружительный запах прогревающего траву солнца. Днем небо всегда оставалось темно-серым, насыщенным посторонними частицами; по ночам оно сияло неземным красным. В период Желтой бури нельзя было выходить

¹ В наше время Желтый день – неофициально отмечаемый в Южной Корее 14 мая праздник любви. В этот день принято надевать желтую одежду и дарить друг другу желтые розы. – Здесь и далее прим. пер.

наружу: как только открывалась входная дверь, песок начинал жалить лицо и голую кожу тысячей пчел, забиваться в глаза, нос и рот, пока ресницы не покрывались пепельными корочками. Даже после того как буря заканчивалась, токсичный песок с примесями тяжелых металлов и пестицидов оставался в атмосфере, так что каждый вдох – и дома, и на улице – мог вызвать астму, бесконечный кашель, высыпания на коже, раковые опухоли и слепоту. Песок перемешивался с облаками и ниспадал кислотным дождем, расплавлявшим деревья и посадки. И без того высокие цены на продовольствие подскочили до астрономических величин. Но даже если у вас были деньги, на полках магазинов все равно ничего не задерживалось, поэтому те, у кого деньги были, предпочитали уезжать за рубеж. Уровень загрязнения в водохранилищах и системе водоснабжения вырос настолько, что воду из-под крана нельзя было не только пить, но и даже готовить на ней. Реки переполнились тысячамидохлых рыб. Начались протесты с требованиями к правительству принять меры, а потом и беспорядки – вспышки хаоса во имя того, чтобы оставшиеся незначительные ресурсы сменили собственников, прежде чем материального обеспечения не останется вовсе.

В Нью-Сеуле беднякам приходилось перед едой пересчитывать порции риса, которые сначала исчислялись сотней зерен, а потом сократились до десяти зерен на ужин. Когда и этого не оставалось, семья, держась за руки, вместе укладывалась в постель, заведомо зная, что они больше не проснутся.

Конечным и единственным спасением стал Биокупол, достроенный 14 апреля, ровно тридцать лет назад. Первый Желтый день. Когда купол только построили, никто не возражал, не высказывался по поводу святости Неба или человечности Природы. Все радовались тому, что живы и могут дышать воздухом, не тревожась по поводу рака гортани или легких. Био, как окрестили купол, представлял собой прозрачную полусферу диаметром пятьдесят километров над Нью-Сеулом. Он блокировал Желтый песок и впускал те остатки солнечного света, которые пробивались через тяжелые частицы. Внутри Био всегда был подернут дымкой цвета сепии – не от песка, летящего над куполом, а от совокупного сияния миллионов неоновых светильников, денно и нощно отражавшегося от внутренней поверхности Биокупола вулканическим коричневатым оттенком с красным подтоном.

Разумеется, Био устранил вместе с песком любые другие осадки, однако люди обнаружили, что стабильная внутренняя влажность и грунтовые воды исключают потребность в дождях. Это было поистине произведение инженерного искусства – первый в мире успешный пример закрытого обитаемого убежища в таких масштабах. И это оказался тот случай, когда проблема также подсказала и решение: технологии Био стали главной и самой прибыльной статьей экспорта для Кореи, так что даже при практически полном импорте продовольствия и иных товаров, которые они сами уже не производили, корейцы добились небывалого процветания.

Вскоре все и позабыли, что живут под куполом. Конечно, никто не забыл о его существовании, ведь теперь Био являл собой и средства к существованию, и само существование. Все просто прекратили думать о том, что живут под куполом. Все равно он не был замечен или ощутим для большинства обитавших в нем людей, и жизнь снова наладилась. Когда что-то становится частью окружающей среды, люди принимают этот элемент безо всяких вопросов и, более того, забывают, что раньше было как-то иначе. Самым неподатливым потребовалось где-то с месяц, чтобы привыкнуть к новому положению дел, но для большинства этот процесс занял всего несколько дней, а потом в памяти не осталось даже обрывков воспоминаний об открытом пространстве. И потому вечерний спецвыпуск показался Паку таким странным: два стареющих интеллектуала громко спорят друг с другом – вот и все. Довольно грустно, думал Пак, наблюдать, как эти тощие и лысеющие профессора в плохо сидящих костюмах, со стаканами тепловатой воды на столе рассуждают о проблемах, которые никто не считает серьезными или насущными. Вероятно, программу сняли по случаю празднования тридцатилетия

купола. Но почему такую публичную дискуссию вообще включили в программу наряду с прочей мишурой вроде кулинарных передач, где готовили из одних лишь желтых продуктов, или телешоу с поиском второй половинки, было выше его понимания.

Пак и сам много думал про Био, но только на работе: он служил старшим инженером в Управлении охраны окружающей среды, Отдел по делам охраны человечества, Бюро управления Биокуполами, которое постоянно мониторило основной Био (куполов теперь насчитывалось четыре в Корее и двенадцать за рубежом). Когда построили Био, Паку было пять, так что никаких реальных воспоминаний о жизни до купола у него не сохранилось. И все же изредка ему казалось, что он помнит пляж, тепло и свет солнца на коже, прохладный ветерок, который трепал ему волосы, и синее море, яркое до боли в глазах. Во снах его щеки так ласкал океанский бриз, что он просыпался от смеха. Но мать заверяла его, что он никогда за всю жизнь не бывал на пляже. К тому времени, когда Пак родился, Желтая буря исключила любые выходы наружу, кроме как по крайней необходимости. Мать утверждала, что он никогда не покидал дом до того, как построили Био.

Внутри Био ветра не было, только механические выдохи огромных вентиляторов, которые формировали потоки свежего кислорода во внутреннем смоге. Как же тогда ему удалось ощутить прикосновение ветра на щеках, растрепанные ветром волосы? Как он мог представить себе нечто настолько реальное, если никогда не переживал этого? Примерно так же, как полет во сне кажется естественным, предполагал Пак. Придя к этой мысли, он перестал ощущать во сне ветер с моря. И чувствовал тяжелую утрату. Будто можно потерять нечто, чего у тебя никогда не было.

Лучше было бы не думать о том, чего не было здесь и сейчас, и все же у Пака была склонность уноситься мыслями в дальние дали – а как только он сознательно обрывал такие мысли, то чувствовал себя плененным между двумя мирами: тем, где жили все остальные, и другим, где он был единственным жителем в приятной компании собственных идей. Тот, другой мир не был настоящим, и поэтому Пак старался держаться за первый, сливаясь с окружающими под видом непритязательного тихони. Невыразительная внешность – костлявость при узких плечах, впалой груди и ничем не примечательного, посредственного лица – помогала ему оставаться незамеченным, производя впечатление умного, но безобидного технократа-бюрократа. Все преподаватели подталкивали его к этому пути, нахваливали его уравновешенность и сознательность без непокорства. Вопреки недоеданию с момента созревания зародышем до пяти лет – наиболее фундаментальных для развития мозга – Пак показывал отличные результаты на всех экзаменах и личностных тестах. Биоинженерия была самой многообещающей сферой, куда стремились лучшие учащиеся, поэтому Пак направил документы на соответствующую кафедру лучшего университета страны и был принят. После выпуска он подал резюме всего в одно место, в Управление охраны окружающей среды, и так и оставался там с того времени.

В общем, непринужденное существование Пака было сопоставимо, в сущности, с тем, как толпа толкает человека на переполненной платформе метро. В часы пик он не столько шел, сколько позволял прессованной массе тел, двигавшейся вокруг него с бездумным единством косяка рыб, подхватывать и нести его. Выход на нужной остановке на острове Йоидо требовал большей маневренности, и Пак осторожно огибал людей, пока не добрался до подножия своего здания. Было уже восемь часов утра, когда он прибыл в офис на шестьдесят третьем этаже. Коллеги приветствовали его вопросами о вчерашнем свидании. Хотя Пак сам никогда бы не поделился такой информацией, товарищи догадались обо всем по тому, что он надел лучший костюм. Подтрунивание над неженатыми коллегами по поводу свиданий вслепую было столь же досточтимой традицией, как и сами *матсоны*.

– И как все прошло?

– Кажется, неплохо.

– Что значит «кажется»? Мы нашли ее в сети. Она сногшибательна.

– У нее в профиле написано, что она «играет на фортепиано» и «занимается фехтованием». Вот так штучка!

– Если она тебе не нужна, то давай я уведу ее у тебя.

Пак вяло улыбнулся и сел за свой стол, пока они продолжали сплетничать между собой. Он поставил портфель, достал лекарство – первые две таблетки за день – и включил монитор. Первой задачей в графике всегда была проверка полного отчета по показателям жизнедеятельности Био. Просел уровень кислорода, это нужно было скорректировать... Но он также отметил необычное, угрожающе высокое содержание примесей сторонних газов. Весь следующий час Пак собирал дополнительные данные, а затем поспешил переговорить со своим прямым начальником, главным инженером бюро.

В приличествующем молчании главный инженер внимательно проглядывал зеленые циферки, заполнявшие черный экран. Начальник резко, шумно дышал через нос, что, по всей видимости, помогало ему поддерживать ход мыслей, когда дело доходило до наиболее ответственных расчетов.

– Не стоит поднимать тревогу по поводу объемов монооксида углерода, – наконец заключил он.

– А как же серная кислота? – нерешительно вставил Пак.

– Это, скорее всего, связано с празднованием Желтого дня.

– Это рекордное значение за последние тридцать лет.

– А у вас какие мысли на этот счет, управляющий Пак? – Главный инженер не сводил с него взгляда.

– Мне кажется, что этому может быть только одно правдоподобное объяснение. В Био проникает песок.

– Но давление воздуха в норме. Весьма вероятно, что показатели по серной кислоте – случайность. Ложноположительный показатель. Особенно с учетом того, что он настолько высокий. Био содержит двадцать тысяч кубокилометров атмосферы, тщательно рассчитанной на поддержание жизни. Даже если где-то и есть какая-нибудь трещина или щель, количество песка, которое может попасть внутрь, никак заметно не повлияет на состав воздуха многие недели. А я-то думал, что ты у нас умник, – заметил главный инженер. – Хватит. У меня есть дела.

И он повернулся к экрану, недвусмысленно поставив точку в разговоре.

Пак покинул кабинет начальника в возбуждении и почти что негодовании, но опровергнуть аргументы главного инженера не мог. И все же Пака не оставляло подозрение, что это не ложноположительный результат. Когда он увидел данные, у него по спине немедленно пробежал холодок. В конечном счете Био все-таки был творением человека, столь же подверженным поломкам, как и все остальное, сотворенное руками людей.

Всю следующую неделю Пак внимательно следил за цифрами. После того первичного скачка уровень серной кислоты оставался стабильным, что скорее подтверждало предположения главного инженера, а не его собственные. Пак чувствовал необычную пустоту в груди и забеспокоился от сознания того, что он ощутил невероятное разочарование. И дело не в его самолюбии – ему было без разницы, что прав оказался кто-то другой. Дело было и не в том, что им двигал извращенный, психопатический трепет перед перспективой хаоса, разрушений и трагедий. Он мог описать свое чувство только как лишение, ощущение, будто его кто-то обкрадывает, хотя сама мысль об этом была чистым абсурдом. Что именно у него забрали? Тем не менее ощущение казалось таким осязаемым, что он неожиданно для самого себя впервые со дня свидания набрал Чина. Однако их приветствия получились такими вымученными, что ему почти сразу захотелось бросить трубку.

Но он продолжил разговор.

– Не хотите ли вы еще раз встретиться? – умудрился выдавить из себя он.

– Зачем?

– Подумал, что вы не откажитесь сходить на концерт.

Он просмотрел программы музыкальных мероприятий и увидел концерт известного пианиста.

Выслушав Пака, Чина смягчилась; они договорились о времени и месте встречи и завершили разговор, прежде чем оба успели бы снова почувствовать неловкость.

В субботу Пак дожидался Чина у фонтана перед центром исполнительских искусств. Он заметил ее тонкую фигурку через площадь и скованно помахал ей. Она была в нарядном вечернем платье цвета ртути, и Паку сразу же стало неловко за то, что он надел тот же самый свой лучший костюм, в котором был на их первом свидании. Чина замедлилась по мере приближения к нему, словно борясь с искушением развернуться и уйти. Пак покраснел, уши наполнил звук падающей воды. Чина глубоко вдохнула и наконец подошла достаточно близко, чтобы они могли заговорить друг с другом. Но Пак медлил: они были недостаточно знакомы, чтобы переходить на «ты». Называть ее по имени было бы чрезмерно интимно, а формальные «*здравствуйте*» или «*как поживаете*» казались убийственно неромантичными даже ему. С большим замешательством Пак остановился на:

– Пойдемте внутрь?

Чина вроде бы приняла это как приветствие и позволила Паку уйти вперед, чтобы открыть ей дверь.

Они нашли свои места в зале. Свет медленно погас, и зрители разразились аплодисментами, когда пианист вышел на сцену в сопровождении девушки. Они остановились у фортепиано, пианист поклонился под еще более бурные аплодисменты. Девушка выдвинула для него скамью, и он сел. Пианист был известен не только виртуозной игрой, но и тем, что был слеп. Зрение он потерял, когда уже был всемирно известным музыкантом, всего за несколько дней до окончания строительства Био. Когда его спросили в интервью, как он переучился играть вслепую, пианист заметил: он просто делал ровно то же, что делал всегда, – видел музыку и клавиши инструмента в голове. Наблюдая за его исполнением, казалось, что он и не терял зрения.

И когда пианист начал выводить одну из сонат Бетховена, Пака поразило это впечатление, будто музыкант *в самом деле* видел: и не только фортепиано, но и что-то за пределами их реальности, концертного зала, антрацитовых мегабашен, подземных торговых центров и квартир-подземелий, всех этих обитаемых мест, заполненных людьми или чем-то, обеспечивающим жизнедеятельность. Насколько Пак мог судить, никто не противился этой скученности, но для него это все было и слишком много, и недостаточно много, так что иногда было противно заглядывать даже в миску салата перед собой. А пианист играл не во славу всего этого, понял для себя Пак, – он играл для того неведомого запределья, к которому только он один имел доступ. Против воли глаза Пака наполнились горячими слезами. Впервые в жизни он ощущал, будто кто-то по-настоящему увидел его и сказал: «Я знаю, по чему ты тоскуешь».

Пак замедлил дыхание, чтобы Чина не застала его в слезах. Она несколько раз поворачивалась, чтобы взглянуть на него, но по большей части, слегка вздернув подбородок, не сводила глаз с пианиста. Все в ее позе говорило об изяществе и чувстве достоинства. По тому, как она словно предчувствовала каждую смену темы и слегка улыбалась в предвкушении любимых пассажей, Пак понял, что Чина была хорошо знакома со звучавшими произведениями. То, что она любила музыку, давало основания надеяться, что они и вправду могут стать настоящей

парой. У Пака никогда прежде не было серьезных отношений. Все знакомства, которые устраивали ему мать, брачные агентства и онлайн-платформы, сходили на нет после пары встреч. Нельзя сказать, что Паку не нравились эти женщины, в большей или меньшей степени идентичные: бледные, женственные, мягкие и ничем не примечательные – как сладкая вата. Проблема заключалась в том, что ни Пак, ни те другие женщины не проявляли достаточного интереса, чтобы продолжать встречи после первых двух свиданий.

Пак все еще не знал, как он относится к Чина. Под ее изысканной внешностью скрывалось нечто жесткое. Она курила и флиртowała без очевидных признаков искреннего расположения к нему. Она разбиралась в музыке. Пак поглядел на нее боковым зрением и заметил не без удовольствия, как театрально она подвела ресницы черной тушью. Ее серебристое платье открывало спину и прекрасно подчеркивало фигуру. Сам факт того, что он вообще обращал внимание на такие детали, казался хорошим знаком.

После концерта они вслед за толпой слушателей устремились из зала на площадь. Уже опустилась очередная влажная ночь в оттенках красного, но Паку захотелось задержаться немного. Центр искусств находился на поросшем соснами холме в центре Нью-Сеула, отсюда можно было полюбоваться панорамой северной части города. Пак подвел Чина к краю площади, они перегнулись через парапет.

– Как концерт? – поинтересовался он.

– Пианист по-своему великолепен и восприимчив, но мне показалось, что его игре не хватает мощи. По стилю ему гораздо больше подходит Шопен, – заметила она. – Вы, наверное, сочтете меня снобкой... Просто я и сама играю, поэтому у меня другие стандарты. Я очень хорошо понимаю, как нужно играть эти произведения. Я сама их исполняла и много раз слышала в записи – так что мне тяжело преодолеть некоторые предубеждения.

Пак посчитал, что она высказалась вполне справедливо, но уже не был в настроении рассуждать о том, какие чувства вызвала в нем музыка. Вместо этого они продолжили безмолвно созерцать город: мегабашни, подымавшиеся почти до самого купола, связанные сложной системой переходов, монорельсов и лифтов, вертикальные леса и сады высотой в сотни этажей, а на уровне земли – мелкие подвижные фигурки электромобилей. Повсюду мерцали и вибрировали цветастыми гирляндами неоновые огни. В городе скопилось так много света, что здесь никогда не наступала полная тьма, если не считать тех моментов, когда плотно прикрываешь лицо обеими руками. Или если вы слепы. Эта мысль неожиданно сильно удивила Пака.

– Где вы живете? – спросила Чина. – Отсюда видно ваше здание?

Дом Пака был спрятан за всеми остальными, но он все равно указал общее направление его местоположения.

– А мой дом вон там. – Чина показала на одну из башен. – Я на сто девятом этаже. Прямо вон там, куда я показываю. А вы?

– А я на пятом.

– Ну и ну, вы почти под землей, – вырвалось у нее, и в голосе послышалось разочарование.

Лучшие, самые дорогие квартиры располагались примерно от сотого этажа и выше, поскольку именно там провели большую часть проходов и монорельсов. Чина никогда в жизни не жила ниже девяностого этажа и не собиралась начинать. С каждой уходящей минутой она все более уверялась, что та интрига, которую она ощутила вокруг этого мужчины, была продуктом ее собственной скуки, вызванной беспросветным отчаянием. Когда сваха показала его профиль, родители отозвались о Паке настороженно, без особого интереса. Он слишком беден, без связей, заявили они. Может быть, с учетом уровня образования, как человек он тебе и подходит, но его семья совершенно не ровня нашей. И все-таки Чина увидела что-то трогательное в его фотографии, ей понравились серьезные, умные глаза под угольно-черными бровями; к тому же он написал, что любит классическую музыку. Но в итоге этот мужчина был точно

таким же, как все прошлые ухажеры, только умнее и беднее. Она краешком глаза посмотрела на него и вновь испытала досаду от вида его узкой, впалой груди и тощего силуэта ложечкой, которыми отличались те, кто родился до Био. Что же касается любви к классической музыке, ему вообще нечего было сказать по поводу концерта, он замер статуей и просто таращился на буйные огоньки города. Значит, он был одним из тех хамоватых мужиков, которые утверждают, будто разбираются в музыке, чтобы было что про себя написать. Пожалуй, больше всего в нем ее привлекла возможность позлить родителей, влюбившись в кого-то, кто, с их точки зрения, не стоил ее мизинца. Однако ценой этих капризов стала бы ее молодость. Чина поклялась себе, что после этой ночи откровенно поговорит с родителями и выйдет замуж за первого же подходящего кандидата, мужчину помоложе и посостоятельнее, который может позволить себе квартиру в подходящем районе, повыше от земли.

Что же до Пака, то он думал об одном из коллег по работе – младшем инженере, который предложил ему желтый носок. Молодой человек как-то за обедом поведал товарищам о новой подруге. Парень рассказал, что они с девушкой ехали на монорельсе, и вдруг она показала ему на свою башню, ее квартирка желтым квадратиком светилась где-то посередине. И теперь всякий раз, когда молодой человек проезжал мимо, он глядел на скопление окон, понимая, что за одним из них находится она, и осознание этого приносило ему неимоверное счастье – так он понял, что влюбился. Местожительство человека – сам по себе факт неинтересный, скучный. Если только это не местожительство любимого человека – в таком случае эта информация вдруг становится невероятно важной, мудро рассудил парень. «Сами посудите, – продолжил он, – помните ли вы, где я живу? А ведь я вам, ребята, миллион раз говорил об этом. Когда вы сталкиваетесь со знакомым по университету и чисто из вежливости спрашиваете, в каком районе, каком доме он живет, разве вы запоминаете его адрес? Знаете же, что через день-два уже и не вспомните». Все расхохотались.

Паку было абсолютно безразлично, где жила Чина.

Он посмотрел на нее, все в том же тонком переливающимся серебристом платье, она рассеянно разглядывала раскинувшееся перед ними обширное полотно огней. Ничто, даже стояние бок о бок здесь, на краю, не могло сократить отделявшую их друг от друга дистанцию. Пак подумал, что больше звонить ей не будет, да и она ему больше никогда не позвонит. И навсегда исчезнут они из жизней друг друга.

Домой он вернулся около полуночи. Пак вымыл лицо и принял лекарство – седьмую и восьмую таблетки, последнюю дозу за день. Лекарство спасало его от кашля с кровавыми мокротами, делало его слабым, но сохраняло живым – каждый день, сколько он себя помнил. Пак чувствовал усталость, но все равно не мог заснуть. Он включил телевизор, пробежался по каналам и остановился, когда наткнулся на повторный показ публичных дебатов по случаю празднования Желтого дня.

– Вы отталкиваетесь от предположения, что технологии никак не связаны с нравственностью. Но истинная моральная проблема Био в том, что он лишает нас свободы выбора, – заметил литературовед.

– Какая чушь! Человек может покинуть Био в любой момент, когда захочет. Люди путешествуют повсюду, в том числе за рубеж, – ухмыляясь, сказал философ. – Я сам только что вернулся из поездки, был приглашенным профессором в Университете...

– Тогда вам отлично известно, что только состоятельные люди могут позволить себе путешествия. Как обычный человек может оплатить сбор за возвращение в Био и еще перелет? Ни один обычный человек не покидал Био ни разу за всю свою жизнь.

– У человека всегда есть выбор. Это, конечно, не всегда выбор между А и Б, как в ресторане. Иногда тебе дают что-то одно... но у тебя все равно остается выбор: ты можешь от этого отказаться, – заявил философ. – В этом случае любой, кому по какой-либо причине хочется так сделать, может покинуть Био. Да будет вам известно, что никакой платы за выезд из Био нет, как нет никакого закона, который требует от граждан оставаться в Био. Если вы хотите уехать отсюда, вы в своем праве это сделать, пускай это и не в ваших интересах. Даже умирающий с голоду человек может отказаться от еды. Можно даже отказаться дышать. В каждое мгновение жизни у человека имеется свобода воли и выбора, при каких бы обстоятельствах он ни жил.

– И именно против этого я выступаю. У голодающего человека, которому предлагают еду, нет выбора между выживанием и смертью. Свобода воли существует только тогда, когда мы можем выбирать между жизнеспособными вариантами, – заключил литературовед.

Пак встал с дивана. Он бросился за блокнотом и ручкой, записал следующее:

Нравственность начинается с выбора. Без выбора не бывает добра и зла. Здесь нет свободы. А без свободы нет никакого смысла.

Без свободы не может быть любви.

Закончив, Пак несколько раз перечитал написанное. Ощущение пробуждения к новой сознательности одновременно пугало и воодушевляло его. С одной стороны, он чувствовал огромное облегчение оттого, что наконец-то понял, почему не питал никакого интереса к собственной жизни. Он никогда не мог заинтересоваться тем, чему придавали столько значения другие: деньгами, суевериями, браком, совокуплением, квартирами и всем тем способом, которыми – бессмысленно и обильно – люди плодились в Био, подобно микробам в чаше Петри. С другой стороны, он все еще не мог определиться с тем, что ему стоило предпринять. Уйти? Мог он себе это позволить? Жизнь вне Био была ему совершенно неведома, все, что он знал и умел, касалось исключительно жизни в Био. Но как раз в этом и заключалось его преимущество: он был одним из немногих людей во всем городе, кто знал о служебных выходах, которыми изредка пользовались специалисты бюро, о подземных ходах, которые уходили на сотню километров к востоку, туда, где горная гряда частично преграждала путь песку. Там, в глубочайших долинах, оставались еще отдельные сообщества людей. Не так давно, несколько лет назад, Пак даже читал какую-то статью, где рассказывалось про горстку крестьян, которым удалось вырастить картофель в оврагах между горами и океаном. Никто в Био не помнил об этих людях, поэтому те приобрели призрачные очертания слухов, но в отсутствие иных вестей Пак мог надеяться, что они еще живы.

Возможно, к утру решимости не останется, подведут легкие, и ему придется смириться с покорным следованием правилам Био. К тому же была вероятность, что ему за неповиновение уже уготовано какое-то ужасающее наказание. Но где-то слышались и успокаивали его арпеджио глухого композитора. Здесь и сейчас он мог сделать только одно. С улыбкой Пак прикрыл глаза и стал дожидаться, когда ветер унесет его прочь.

Цвет нового мира

En vérité, ce qui donne à l'objet sa couleur, ce n'est ni ce que l'on nomme la couleur réelle ni la couleur conventionnelle... C'est la vie qui crée les contrastes sans lesquels l'art serait inimaginable et incomplet.

Marc Chagall

По правде говоря, ни то, что мы называем подлинным цветом, ни традиционные цвета не придают предмету цвет... Именно жизнь порождает контрасты, без которых искусство немислимо и неполноценно.

Марк Шагал

Сегодня на Шартрёз день в оттенках голубого и белого. Между парой берез, покрытых мхом и лишайниками, она, сняв походные ботинки и осторожно наступая на чистый сугроб, впервые за три года дотрагивается до снега. Пальцы ног тонут в пудре и соприкасаются с мшистым камнем внизу, она удерживает равновесие, обхватив руками деревья. С гордостью думает, какое большое расстояние преодолела, чтобы оказаться здесь, прикоснуться к корням берез и впитать в себя альпийский снег. На перелет из Нью-Йорка в Лондон ушло шесть часов, до Лиона – еще два часа, полтора часа пришлось проехать автобусом до Гренобля, а потом еще четыре часа ходьбы по слякоти – и вот она видит всю эту красоту. Все – чтобы притронуться к безупречной чистоте, сотворенной небом. Она смеется, сопит. Слезинки убегают из уголков глаз.

Прямо у ее ног расстилается горная гряда Шартрёз, переходящая в Веркор справа и в Бельдон слева. Бледное солнце зависло над синими вершинами, увенчанными снегом; ветер скручивает туман в ущелье между горами в завитки, напоминающие воздушное безе. Головокружительная тишина проникает под куртку и покалывает ребра. Почти больно от этого счастья, чувство на полтона светлее одиночества. Она представляет в правой руке воображаемую кисть и начинает зарисовывать небо.

Но на пути вниз от снега быстро не остается и следа, а дорожка оказывается и ухабистой, и кривой; приходится несколько раз останавливаться, чтобы освободиться от комьев грязи, налипающих на ботинки. Говорят, даже по склонам Монблана от тающих ледников течет коричневая жижа. Когда снега не останется и на самом высоком горном пике Европы, куда и сколько часов надо будет лететь на встречу с зимой?

Пока она думает об этом, лис пламенного цвета прыгает с утеса и оказывается прямо на дорожке перед ней. Это удивительно крупный зверь – размером с крепкого хаски и с вдвое более пышным хвостом. Прежде чем она успевает вскрикнуть, лис разворачивается и уносится дальше.

Когда она успокаивается и продолжает путь, за спиной слышится звук, и она думает, что это животное вернулось. Вместо лиса по грязной каменистой дорожке легкомысленно несется бегун-легкоатлет. Она отступает в сторонку, и он благодарит ее кивком, уносясь вперед точно поезд, не остановившийся на промежуточной станции. И тут, потому что только что случилось *такое* и потому что она ни с кем не разговаривала почти целый день, она кричит ему в затылок:

– *J'ai vu un renard là-bas!*

Поначалу кажется, что он продолжит себе бежать, но мужчина замедляется и останавливается, тяжело переводя дух. Он будто бы бросает на нее укоризненный взгляд через плечо: ему не хотелось, чтобы его отвлекали.

– *Pardon?* – хрипло отзывается он.

Она тут же жалеет о своей опрометчивости, но уже вырвавшиеся слова не вернуть.

– Я только что видела лиса. Он сбежал с того утеса, повернулся и исчез в том направлении, – робко продолжает она на французском, подходя к нему.

– Ах да, они здесь живут. Я их тоже иногда вижу.

Бегун проходится взглядом по ее лицу, и она сожалеет, что позволила слезам радости размазать тушь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.